

Деятельность Восточного института в цензуре иностранной печати (1901—1904 гг.)

Дмитрий Александрович Бутырин,

кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: www1979@mail.ru

В статье на основе документов из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока рассказывается об опыте Восточного института как органа цензурирования иностранной периодической печати во Владивостоке накануне Русско-японской войны. В начале XX в. Главное управление по делам печати просило Канцелярию Приамурского генерал-губернатора поручить Конференции Восточного института¹ цензурирование изданий на восточных и европейских языках. В данном случае совет занимался цензурированием иностранной печати на протяжении нескольких лет, причём профессорско-преподавательский состав не состоял при штате надзорного органа, а работал по договору. Обнаруживается, что работа с газетами и книгами заставила профессоров постоянно помнить о важных охранительных функциях цензуры, а это привело к усиленному вниманию к цензорской работе, включавшей в себя как допуск разрешённых книг, так и анализ читательской аудитории. Осуществлённый цензорами анализ содержал немало замечаний, часто рекомендательного характера, об иностранцах, проживавших на территории российского Дальнего Востока. Выявляется, что благодаря инициативе сотрудников Восточного института была введена цензура не только для японских и китайских газет, которые нередко содержали отрицательные публикации в отношении Российской империи и не всегда являлись желательными для пропуска на территорию страны, но и для корейской прессы. После начала Русско-японской войны (1904 г.) Конференция Восточного института прекратила свою работу.

Ключевые слова: Владивосток, Восточный институт, А.М. Позднеев, Е.Г. Спальвин, Г.В. Подставин, Н.В. Ремезов, цензура.

¹ Совет профессоров при высшем учебном заведении с постоянными административными функциями.

Activity of the Oriental Institute Connected with Foreign Press Censorship (1901–1904).

Dmitry Butyrin, Journalism and Publishing Business Chair, School of Humanities, Far-Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: www1979@mail.ru

Based on documents from the Russian State Archive of the Far East, the paper describes the experience of the Oriental Institute as a censorship body for foreign periodicals in Vladivostok before the Russo-Japanese War. In the early 20th century, the Head Department for Press Affairs requested the Chancery of Amur Governor General to order the Conference of the Oriental Institute to censor titles in Oriental and European languages. In this case, the council was involved in censoring foreign periodicals for several years, whereas the professors and teachers were not on the staff of the oversight body but performed contracts. It was found out that work with newspapers and books made professors constantly remember the important protective functions of censorship which resulted in heightened attention to censoring work which included both admission of permitted books and readership analysis. The analysis performed by censors contained a number of remarks which frequently had recommendatory nature about foreigners resident in the Russian Far East. It was found out that, thanks to the initiative of the Oriental Institute's employees, censorship was introduced not only for Japanese and Chinese newspapers which frequently contained negative messages about the Russian Empire and were not always desirable for importing to the country but also for Korean press. When the Russo-Japanese War began (1904), the Oriental Institute's Conference terminated its work.

Keywords: Vladivostok, Oriental Institute, A.M. Pozdneev, E.G. Spalvin, G.V. Podstavin, N.V. Remezov, censorship.

Во второй половине XIX в. заведование цензурой сосредоточивалось в Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел. Внутренняя цензура рассматривала все тексты, издававшиеся внутри государства на любых языках. Во Владивостоке, как и во всех приграничных и портовых городах, где имелись таможенные посты, действовала иностранная цензура, которая позволяла или запрещала продажу газет, книг, журналов и других печатных материалов, привезённых из-за границы.

Цензура в России не только контролировала ввоз и распространение иностранных периодических изданий, но и противодействовала формированию через них негативного мнения о международной дальневосточной политике России. В силу сложившихся обстоятельств во Владивостоке цензурным органом иностранной печати накануне Русско-японской войны стала Конференция Восточного института.

Цель нашей статьи — показать особенности цензуры иностранной периодической печати во Владивостоке, которую осуществляли преподаватели Восточного института. Хронологические рамки исследования: 1901—1904 гг. (от возникновения Конференции Восточного Института в качестве цензурного органа до прекращения его деятельности в связи с началом Русско-японской войны). Источником послужили документы

Конференции Восточного Института из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ).

Владивосток — военный город Приморской области, расположенный на южной оконечности п-ова Муравьёва-Амурского. Первостепенное значение в его жизни имели судоходство и торговля [6, с. 113]. Многие из тех, кто впервые попадал на Дальний Восток, сразу отмечали экзотику его городов. Непривычная для русского человека азиатская речь на улицах, обилие торговых лавок, иностранных товаров, газет и книг. Газеты во Владивостоке являлись важным фактором общественной жизни. Их выписывали не только иностранцы, которые проживали и работали в городе, но и подданные Российской империи. Русские торговцы в Николаевске и Владивостоке интересовались японской прессой, особенно осакской, из-за содержащихся там ценных сведений — ведь Осака была главной биржей Японии [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 37].

Осенью 1899 г. Н.Л. Гондатти, тогда чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе, в своём докладе отмечал, что во время навигации во Владивостоке и Николаевске с японских судов, минуя цензуру, в значительном количестве появляются иностранные газеты. При встрече с начальником Николаевской почтово-телеграфной конторы он узнал, что в этих городах желающие получать зарубежные газеты и журналы без русской цензуры просят редакции высылать издания через Японию. Данное сообщение вызвало недовольство как административной, так и военной власти. Виной тому было следующее обстоятельство: «...газеты, при условии получения их через Западную Европу по Сибирской железной дороге, носят явные следы деятельности московского цензора, но, отправленные морским путём через Шанхай или Америку и Японию, они приходят во Владивосток совершенно чистыми. Вся почта, получаемая во Владивостоке, поступает морским путём и тем самым минует русскую цензуру» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 39].

Городские власти не раз проявляли озабоченность по поводу отсутствия на Дальнем Востоке полноценной цензурной организации. Но из-за малочисленности печатных органов Главное управление по делам печати не считало целесообразным создавать в регионе цензурные комитеты, которые позволяют или запрещают продажу книг, повременных изданий, эстампов и т.п., привозимых из-за границы. Цензурные комитеты учреждались во многих городах России, а отдельные цензоры были назначены в Риге, Ревеле, Дерпте, Митаве, Киеве, Вильне, Одессе и Казани. Проблема выписываемых иностранных периодических изданий во Владивостоке была очень актуальной, её обсуждали и в местной прессе. К примеру, газета «Восточный вестник» предлагала своё решение: «Биржевому комитету, нам кажется, следует взять на себя инициативу ходатайства предъявить высшим правительствам об учреждении должности специального цензора по иностранной печати во Владивостоке» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 3].

Оценивая ситуацию, начальник Управления по делам печати Г.Н. Зверев предложил генерал-губернатору Н.И. Гродекову создать должность отдельного цензора по иностранной цензуре при почтово-телеграфных комитетах:

«Согласно 191 статье о цензуре иностранной, периодические сочинения всякого содержания, привозимые из-за границы по почте, подлежат рассмотрению отдельной цензуры, учреждённой при почтовом ведомстве. По статье 939 при получении на таможне из-за границы периодические издания не выдаются тем лицам, которым они адресованы, а отсылаются в местное почтовое заведение. Имею честь ходатайствовать об учреждении при Николаевской и Владивостокской почтово-телеграфных конторах отдельной цензуры. Ответственность ложится на начальство почтово-телеграфных контор» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 4].

24 января 1900 г. было принято решение о создании отдельной цензуры при Владивостокской почтово-телеграфной конторе. Из доклада начальника Приамурского почтово-телеграфного округа: «Так как получение иностранных периодических изданий в Николаевской почтово-телеграфной конторе с каждым годом уменьшается, а во Владивостоке, наоборот, увеличивается. Необходимо, чтобы получаемые иностранные сочинения в Николаевске, перед выдачей адресатам, передавались во Владивостокскую почтово-телеграфную контору, тем более нет свободных людей и чинов, могущих вести подобную деятельность» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 4].

Таблица 1

**Поступление иностранной периодической печати
в почтово-телеграфные конторы Николаевска и Владивостока**

Город	Год	Экз.	Кол-во
Николаевск	1896	2	30
Николаевск	1897	0	0
Владивосток	1897	19	1642
Владивосток	1898	28	2896

В феврале 1900 г. военный губернатор Приморской области издал указ № 22958 о создании при Владивостокской почтово-телеграфной конторе отдельной цензуры для иностранных периодических изданий. Но этому проекту так и не суждено было осуществиться. После доклада начальника Приамурского почтово-телеграфного округа выяснилось, что «поручение обязанностей цензоров начальникам контор не предоставляется возможным для Владивостокской конторы по обременению чинов другими служебными обязательствами и недостаточному знанию иностранных языков» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13].

В этой ситуации Управление по делам печати принимает единственно правильное и возможное решение: просит канцелярию Приамурского генерал-губернатора поручить Конференции Восточного института цензурирование газет на восточных языках.

Восточный институт открылся во Владивостоке в 1899 г. Регион, граничащий с Китаем, Кореей и Японией, стал центром изучения восточных языков. 31 января 1901 г. особым постановлением № 758 канцелярия Главного управления по делам печати уведомила канцелярию Приамурского

генерал-губернатора, что «цензирование произведений печати на языках японском, китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском, бурятском и калмыцком, согласно распоряжению господина министра МВД, сообщённому в отношении главного управления по делам печати от 30 января сего года за номером 892, возложить на Конференцию Восточного института» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13]. Возглавил Конференцию директор Восточного института Алексей Матвеевич Позднеев, российский востоковед. Он был директором до ноября 1903 г., затем его назначили членом Совета при Министерстве народного просвещения [2, с. 14—16].

Возлагая на профессоров обязанности цензоров, чиновники Управления по делам печати соблюли все формальности закона. Из устава о цензуре (т. XIV 1890 г., ст. 25): «В цензоры, как по внутренней, так и иностранной цензуре, могут быть определяемы только чиновники, получившие образование в высших учебных заведениях или иным способом приобретшие основательные в науках сведения, если они, притом, достаточно ознакомлены с историческим развитием и современным движением отечественной или иностранной словесности, смотря по назначению каждого. Во время занятия сей должности они не должны вместе с оною нести никаких других обязанностей, принимать участие в редакции периодических изданий» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13].

В первую очередь переводчику-цензору «во всех произведениях печати, как оригинальных, так и переводных, следует не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам Христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной Власти и её атрибутов, уважение к Особам Царствующего Дома, непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого. Не следует допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 13].

Профессорско-преподавательский состав не состоял при штате надзорного органа, а работал по договору. Об этом говорит А.М. Позднеев: «Что касается вознаграждения за труды господ профессоров по цензуре газет, то я бы полагал возможным обозначить его суммой в 2 тысячи рублей» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 37].

Свою деятельность Конференция Восточного института начала 27 марта 1901 г. В работе принимали участие преподаватели, профессиональные обязанности которых соответствовали языковой специализации. Когда отдельных членов Конференции во Владивостоке не было, цензурирование велось под наблюдением профессоров с участием иностранных сотрудников Восточного института — китайцев Ци Шань Циня и Лю Инь Чжана и японца Киоцугу Маэда, — которые читали лекции и присутствовали на занятиях в качестве переводчиков. Именно они помогали профессорам Конференции с переводами китайских и японских газет, что значительно облегчало труд цензоров [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36].

Первые иностранные произведения были присланы для цензурирования таможенными надзорами Владивостока и Иркутска. Почти все издания

первоначально были на японском языке и попали во Владивосток на пароходах общества Ниппон-Юсень-Квайся и Морского пароходства Китайско-Восточной железной дороги. Одна получка составляла около 500 номеров (до 150 отдельных изданий), упакованных в соломенную рогожу и старые газеты (большинство из них были из Осаки), которые затем использовались как обёрточная бумага либо шли на пошив китайской обуви. Среди упаковок встречались газеты двадцатилетней давности, изданные в Японии, реже попадалась английская пресса, выпущенная в Японии, Америке, Сингапуре, были даже миланские газеты [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38].

Е.Г. Спальвин и его коллеги почти сразу же столкнулись с трудностями: не хватало денег для решения всех организационных вопросов, времени и людей, но самое важное неудобство, которое испытали члены совета, — отсутствие в Восточном институте свободного рабочего помещения. Трудиться приходилось прямо на улице, тюки с газетами просто сваливались во дворе. Е.Г. Спальвин вспоминал, что разгрузка и сортировка старых и новых газет отнимали немало сил и времени. Прессу разбирали и в снег, и в дождь, и в ветер, и в мороз, в таких условиях работа превращалась в пытку для профессоров и не могла быть выполнена идеально.

Иногда цензоры перемещались в библиотеку Восточного института, где отсутствовали специальные столы и стеллажи, из-за чего газеты раскладывались на полу, что, равно как и наличие в библиотеке студентов, расхаживающих по газетам, затрудняло работу. Ввиду отсутствия нормальных условий точное ведение записей и учёта изданий, не разрешённых к выпуску или запрещённых, было невозможно, хотя являлось необходимым и важным в труде цензоров.

Как вспоминал А.М. Позднеев: «К примеру, в течение месяца газета приходила своим подписчикам сразу за полмесяца, вот здесь и возникала опасность возможных нежелательных отклонений и ошибок при вторичной проверке изданий, уже прошедших цензуру». Е.Г. Спальвин, как и А.М. Позднеев, считал, что подобные собрания не представляли политического интереса. Газеты выписывались исключительно ради напечатанных в них фельетонов и раздавались в местном японском клубе. Выпиской таких тюков занимались японские и китайские фирмы, а также одна русская — «Кунст и Альберс» (пароход «Дафне») [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 43.].

Содержимое тюков, доставляемых из таможни, порой вызывало у проверяющих недоумение. Иногда посылки заполнялись нелегальными изданиями или обыкновенными женскими частными письмами на японском языке с приложенными фотографическими карточками корреспонденции. Часто с Иркутской таможни поступали книги на английском или французском языках, вышедшие в Японии, в них место издания, тираж, типография и иногда название печатались на японском. Порой в мешках вместо книг профессора находили множество почтовой японской бумаги, конвертов и кистей для письма. Так купцы из Японии обходили пошлины [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36].

Книги и газеты представляли для цензоров интерес. Так, японские книги содержали стенографические записи знаменитых рассказчиков, которые

выступали в Японии перед простым народом, обращаясь к близким и понятным ему темам. Эти историко-бытовые повествования проходили тщательную японскую цензуру (особенно те части, которые касались морали) и в политическом отношении лишь изредка отражали внутреннюю политику японского государства. Всего за 1901 г. было выписано 11 тюков японских книг (1882 тома), среди которых также были учебники по русскому языку, по медицине и коммерческому делу [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38].

Очень интересны наблюдения и выводы проверяющих профессоров о потенциальных потребителях японской книжной и газетной продукции. К примеру, во Владивостоке выписка подобных изданий доказывает, что в городе не было даже средней японской интеллигенции. Публика, читавшая эти книги, состояла из рабочих, портных, столяров и проституток. «Отсутствие среди выписываемых книг сочинений известных и серьёзных авторов говорит о том, что те японцы, одетые во фраки и цилиндры, — рабочие и ремесленники, прибывшие в Россию в поисках лучшей жизни. „Встречают по одежде, а провожают по уму“, — принято говорить в России, и очень часто российский обыватель, встречающий японцев на улице, считал их интеллигенцией», — отмечал А.М. Позднеев [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38].

Сибирские японцы выписывали в большинстве осакские газеты, известные хорошими фельетонами. Владивостокские японцы — много газет из Нагасаки и Хакодате. Остальные издания являлись провинциальным захолустьем прессы, питающимся сплетнями и вырезками из центральных газет. Столичной (токийской) периодики почти никто не получал, а «японская правительственная газета» встречалась в двух-трёх экземплярах [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38].

Обилием и разнообразием выписываемых газет и журналов отличались японцы, получавшие свою корреспонденцию по адресу местного коммерческого японского агентства. Большой популярностью пользовался женский журнал — в одном Владивостоке выписывалось 20 экз. Издания Японского общества изучения Приамурского края получали фактически все японцы в Благовещенске, Никольск-Уссурийске и Хабаровске, во Владивостоке их почти никто не выписывал. Японский политический журнал «Таи Ио» приходил всего в 6—7 экз. Многие издания поступали к дальневосточным читателям из третьих рук — уже прочитанными в Японии [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38].

Во Владивостоке очень популярны были китайские книги бэнь-цзи. Обычно за год в город их поступало 6 тыс. томов. По сравнению с японскими книгами они имели более мелкий формат: 6—10 штук = 1 японскому тому. Цензуру китайских книг и газет осуществляли профессора А.В. Рудаков и П.П. Шмидт, также привлекались лекторы Ци Шань Цин и Лю Инь Чжан [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36].

Несмотря на успешную работу с китайской и японской прессой, преподаватели Восточного института первоначально скептически относились к своей деятельности. А.М. Позднеев отмечал в отчётах Конференции

порой полную бесполезность цензурирования китайских и японских газет. Основная причина заключалась в том, что российская действительность отличалась от тех реалий, в которых жили японцы и китайцы. В силу этого, по мнению директора Восточного института, различались и принципы журналистики: «Подписчики получают газеты, выходящие в Китае, Японии и Корее на языках английском, французском и немецком, которые отчасти содержат то, что и восточные газеты. Те же самые лица имеют доступ к не подлежащим во Владивостоке цензуре таким изданиям на указанных языках. Каждая газета на одном из европейских языков, выходящая в Китае или Японии, содержит в себе обязательно самый подробный обзор туземной прессы. Обширные статьи, посвящённые идеям, развиваемым в туземной печати, различные, где нужно, поддерживаются авторитетом европейца, как и политические страсти туземных публикаций. Последние и посылают важные свои статьи прямо в переводе в редакцию своих европейских собратьев. Статьи печатают прямо на английском языке в специально отведённом для этой цели столбце газеты. Постоянная связь между японской, китайской и иностранной корреспонденцией существует также на издательском уровне, очень часто японские типографии издают корейские газеты. Если цензура бессильна противостоять этой удивительной солидарности прессы, то все усилия, затрачиваемые на пересмотр и преследование недозволенного в японских и китайских газетах, являются напрасными» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 39].

Но обострившаяся международная обстановка на Дальнем Востоке в связи с усилением российского влияния в Корее заставила изменить представления сотрудников Конференции о функциях цензуры. Присутствие России на Корейском полуострове вызвало в Японии большую тревогу и энергичное сопротивление: в Токио считали Корейское королевство сферой своего исторического влияния. Корейские японцы начали издавать газеты, пропагандируя японский образ жизни и плоды японской цивилизации. Одной из популярных среди корейской интеллигенции была газета «Хань Сон Синь Лунь». Её публикации отличались нетерпимостью ко всему не японскому, отстаивали насаждение японских порядков в Корее. Также на корейском языке в Японии выпускались различные издания, в которых корейцам передавались не всегда точные сведения о Европе и России. Кореевед Восточного института Г. В. Подставин, сотрудник Конференции, считал, что распространение подобных сочинений среди русских корейцев недопустимо.

Корейцы начали появляться в России (в Приморье) в 60-е гг. XIX в. Корейское королевство являлось закрытой страной, запрещавшей своим гражданам контакты с иностранцами. Те, кто перешёл границу, считались государственными преступниками, поэтому обратно корейцы не возвращались, тем более что Россия, испытывавшая дефицит населения, отказывалась их возвращать. С 1888 г. иммигрантам начали предоставлять российское подданство. Значительная часть их со временем его получила и даже приняла православную веру. Корейцы жили компактно в своих деревнях, хотя частично заимствовали европейские обычаи [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 40—42].

Конференция особое внимание уделяла корейским газетам, которые пользовались большой популярностью у российских корейцев, но содержали «не очень положительные публикации, как в отношении Японии, так и в отношении России. С 1898 г. в Корее выходит газета „Тук Синь Лунь“ на корейском языке. В силу этого издание не всегда может быть желательным для пропуска их к русским корейцам, которые живут на территории России», — отмечал Г.В. Подставин [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 40—42]. Он также неоднократно требовал, чтобы Учёный комитет при Министерстве народного просвещения начал выпускать на корейском языке важнейшие российские сочинения по всем отраслям знаний, чтобы знакомить российских корейцев с русской цивилизацией [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 41—42].

О важных охранительных функциях цензуры в своих отчётах писал и директор Восточного института. Профессор А.М. Позднеев работал с изданиями на маньчжурском, монгольском, калмыцком и тибетском языках. В цензуру Восточного института поступали также монгольские богословские сочинения. «Это были длинные узкие бумажные листы. В цензурном отношении проблем не было, но что вызвало интерес, — отмечал А.М. Позднеев, — в Монголии появился особый вид литературы — небольшие брошюры, содержащие оправдание самых безнравственных поступков из жизни жрецов ламаизма и распространение политических взглядов в загадочной форме пророчеств ламайских жрецов. Подобная литература вредна для населения, она питает суеверное чувство малоразвитого народа. Поэтому нежелательно распространение подобных изданий среди российских бурят и следует запретить доступ к подобным изданиям» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 42].

Работа Конференции была успешной, несмотря на увеличение объёмов труда. Так, с 3 декабря 1901 г. начала поставку корреспонденции, подлежащей цензуре, Владивостокская почтово-телеграфная контора, а это 13 мешков, содержавших 3084 номера японских газет и журналов и 35 номеров китайских газет [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 37].

Весной 1902 г. произошло событие, которое изменило работу Конференции во Владивостоке. В силу вступили новые таможенные правила: произведения на иностранных языках отсылаются таможенным надзором в Московский цензурный комитет, на мусульманских языках и наречиях — в Санкт-Петербургский цензурный комитет [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 48]. Это постановление вызвало негодование у местного населения, страдали также российские предприниматели, о чём писала газета «Восточный вестник»: «Все иностранные газеты с побережья Тихого океана предварительно направляют в Москву — в местный цензурный комитет. Местные подписчики узнают разные новости позже, чем в Москве и Петербурге, терпя большие неудобства в своих разного рода коммерческих сношениях с прилегающим побережьем. При существующих условиях русские поставлены в гораздо худшие условия, нежели японцы и китайцы» [5, с. 1].

Редактор газеты «Владивосток» Н.В. Ремезов считал это постановление вредным не только для предпринимателей, но и для отечественной журналистики: «Почта 1 мая доставила газеты из Банкока от 15 февраля,

а из Нагасаки — от 1 марта. В первом случае 2 с половиной месяца вместо 10 дней, а во втором — через 2 месяца вместо 3 дней. Газеты были отправлены в Москву на цензуру и возвращались совершенно чистыми, но с знаменитыми штемпелями „Д.Ц.“ и изорванными. Таким образом, иностранные известия теряют всякий смысл, мы написали в получаемые нами четыре заграничных издания — Япония, Сиам, Китай — о прекращении высылки, так как пользоваться устаревшими новостями, которые уже попали в европейские и российские газеты, смысла нет. Хотя многие читатели выражают сожаление о закрытии отдела иностранных новостей, в виду сложившейся ситуации мы не можем удовлетворить понятного нам желания наших читателей и извиняемся в этом. Вот когда цензура иностранных газет перейдёт в Восточный институт или будет назначен особый цензор, тогда иностранный отдел мы откроем снова» [3, с. 3].

Пожелание журналиста было услышано местными властями. Приамурский генерал-губернатор обратился с просьбой к директору Восточного института А.М. Позднееву поручить Конференции Восточного института цензурирование газет и на европейских языках. «На телеграмму Вашего Превосходительства от 10 апреля имею честь доложить, — писал директор в письме губернатору, — что возложение на Конференцию Восточного института обязанностей цензуры по рассмотрению газет и изданий на европейских языках предоставляется не только возможным, но и даже желательным, так как вне этого условия цензура изданий на восточных языках по крайней мере, наполовину утрачивает своё значение» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 33].

26 мая 1903 г. в силу вступил закон о бесцензурном получении иностранных изданий, поступавших на имя английских, американских, китайских и японских агентств во Владивостоке, а также членов семейств тех, кто в них состоял. Данные издания оставались без цензурного просмотра, как это соблюдается в отношении иностранных посольств, миссий и консульств. Как отмечал в отчётах А.М. Позднеев, появление этого закона вызвало небольшую путаницу в работе Конференции: «если возникла переписка по поводу цензурного просмотра печатных изданий, адресованных в японскую дипломатическую миссию, то вообще они никогда в цензуру не поступали, а попадались отдельные номера, которые пропускались беспрепятственно» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 45].

1903 г. был напряжённым для Конференции Восточного института: враждебное отношение к России в японской печати росло с каждым днём. За год было проверено 3890 тюков — 4 688 000 газет. При работе с японскими изданиями сотрудники Конференции отмечали, что цензура в Японии усилила свою деятельность. Накануне войны японское правительство предостерегало прессу допускать в печать все материалы, касающиеся подготовки военной кампании и мобилизации. В цензуру Восточного института поступало значительное количество газет, в которых ещё в Японии были вырезаны целые статьи и отдельные заметки. Было зачерчено несколько страниц, относящихся к маньчжурскому вопросу, действию русских в Маньчжурии и Нью-Чжеуань.

«В стране вдруг русское влияние падает, — писал один из видных журналистов Владивостока Николай Ремезов, редактор газеты „Владивосток“, — несмотря на полный ряд предшествующих успехов. Так было и с Японией. Было время и не так давно, когда нас с японцами, как говорят, водой не разлить. И вдруг японец шарахнулся в сторону, дружит с нашими врагами и, несмотря на ещё теплящуюся симпатию к нам, официально вызывает к войне. Этому охлаждению с обеих сторон способствовали не столько политические события, сколько ловкая интрига, поднимаемая иностранцами в японских газетах. Многие из этих газет издаются на деньги враждебных нам правительств и умело распространяются среди поголовно грамотных японцев. Руководители таких газет не останавливаются пред клеветой, сгущают краски, чернят нас во всю и рисуют нас заклетыми врагами японцев» [4, с. 1—2].

Обыденными стали «возмутительные по способу своего изложения, но и по содержанию о российском императоре статьи, рисовавшие в высшей степени несправедливо, ложно и тенденциозно положение рабочего вопроса в России и в связи с ним сообщения об имевших будто бы в России восстаниях и действиях какой-то революционной партии». Накануне войны цензоры из Восточного института отчётливо осознавали, что эти статьи не должны быть доступны обществу, потому что могут вызвать не только негативные эмоции, но и ещё более тяжкие последствия. Чувство долга и желание помочь краю заставляли этих людей работать с полной самоотдачей [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38]. Обострение российско-японских отношений сказалось на цензуре местных (владивостокских) газет, которой занимались Г.В. Подставин и законоучитель Восточного института священник о. П.И. Булгаков [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 36—38]. Конференции Восточного института нередко приходилось отчитываться, как материал, вызвавший недовольство военной административной власти, прошёл в печать. Так, например, в газете «Дальний Восток» была помещена заметка об аресте двух японцев в бухте Улисс во время съёмки ими батарей. Это вызвало недоумение у коменданта крепости, который обратился к военному губернатору Приморской области с тем, чтобы тот распорядился провести расследование относительно основания данной публикации. Цензор из Конференции в отчёте показал, что «...зорко следит за сообщениями относительно военного дела... и не разрешал к печати эту статью, редакция напечатала её вопреки цензуре» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1617. Л. 60].

Конференция Восточного института, осуществлявшая цензуру иностранной периодики, вела свою успешную деятельность на протяжении нескольких лет, не вызывая нареканий Главного управления по делам печати. В 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве в своём докладе выразил недовольство работой региональной цензуры: чиновники, большую часть времени занятые исполнением своих прямых обязанностей, уделяли надзору слишком мало времени, строго просматривая только материалы, касающиеся местной жизни, и упуская из виду общее направление изданий. От многих из них невозможно было требовать той степени образованности,

которая дала бы им возможность правильно исполнять свои обязанности по надзору. Особенно не хватало чиновников, знавших языки. Например, в Кишинёве цензура проходила следующим образом. Врачебный инспектор (молдаванин) прочитывал газету «Bassarabia», выходящую на молдавском языке, и пересказывал вице-губернатору содержание тех статей, которые, по его мнению, нарушают требования закона. Статьи направлялись к переводчику, по переводу возбуждалось дело о преследовании [РГИА ДВ. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 3].

Цензоры из Восточного института прекрасно владели иностранными языками. Газеты предоставлялись им для прочтения за два дня до рассылки подписчикам или выпуска в продажу, книги — за три. Цензор отдавал расписку в получении определённого количества экземпляров газет с указанием времени. К примеру, с 27 марта по 31 декабря 1902 г. в цензуру Восточного института поступило 955 тюков японских газет, 1486 — китайских, 2 — русских (всего 2443 тюка, или 2 929 200 номеров). Оценивая работу цензоров, начальство исходило не только из количества просматриваемого каждым из них материала. Основным показателем считалось количество запрещённых книг и газетных статей, в которых критиковался государственный строй, внешняя и внутренняя политика Российской империи. Так, из 2 929 200 проверенных номеров цензорами было изъято 3600 страниц. Что касается книг, то в Комитете иностранной цензуры в Петербурге составлялись ежемесячные каталоги всех рассмотренных сочинений. Книга могла быть дозволена целиком или с исключениями или запрещена совсем к обращению в публике. Эти каталоги рассылались в местные органы цензуры. Проблема заключалась в том, что каталоги содержали обычно книги на европейских языках, плюс во Владивостоке не было местных органов иностранной цензуры. В Петербурге в обязанности цензоров входила сверка поступавших из таможен книг с каталогами. Сотрудникам Конференции приходилось проводить цензурирование практически всех книг и высылать свои письменные отзывы в Петербург. Книги, разрешённые с исключениями, возвращали книгопродавцам или владельцам с вырезанными страницами, а запрещённые отправляли обратно в таможни. Последние книготорговцы обязаны были в течение года выслать за границу. Многие цензоры считали свою работу «трудом чрезмерно обременительным, лишаящим цензора возможности иметь досуг для того, чтобы хотя несколько освежить мысль от постоянно напряжённой, в большинстве случаев ночной и поэтому особенно утомительной деятельности» [РГИА ДВ. Ф. 776. Оп. 20. Д. 262. Л. 7].

Несмотря на довольно суровые условия для цензорской деятельности, профессора из Восточного института не ограничивали себя работой со списками книг, хотя у них не было опыта, и цензура книг и периодических изданий первоначально осуществлялась хаотично. Профессора постоянно помнили о важных охранительных функциях цензуры. Это привело к усиленному вниманию к работе, включавшей не только допуск разрешённых книг, но и анализ читательской аудитории, который содержал немало замечаний об иностранцах, проживавших на Дальнем Востоке России. Часто

данные замечания имели рекомендательный характер. Так, только благодаря инициативе А.М. Позднеева и Г.В. Подставина была введена цензура для корейской прессы, которая, наряду с японской и китайской, не всегда была желательна для пропуска на территорию России, т.к. газеты нередко содержали отрицательные публикации о Российской империи [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 40—42].

Хотя работа цензора вознаграждалась, она занимала много времени, поэтому некоторым из них приходилось отказываться от прежних заработков. Так, 14 ноября 1902 г. профессор Е.Г. Спальвин стал заведующим цензурным отделом, а его должность библиотекаря Восточного института занял исполняющий должность профессор исторических наук Н.В. Кюнер [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 59].

В 1904 г. Конференция Восточного института прекратила свою успешную деятельность. Произошло это в связи с началом Русско-японской войны, когда во Владивостоке приказом № 159 командира Владивостокского порта контр-адмирала Н.А. Гаупта было введено осадное положение. Война привела к сокращению иностранной периодики, а Восточный институт эвакуировали в Верхнеудинск [РГИА ДВ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 251. Л. 25].

Таким образом, географическое положение, состав населения российского Дальнего Востока, состояние его полиграфической базы, количество ввозимых из-за границы изданий, а также политическая обстановка в России и Европе определили структуру такого цензурного учреждения, как Конференция Восточного института. Рассматривая вопрос о становлении института цензуры на восточных рубежах Российской империи в начале XX в., исследователь М.А. Бордаков удивляется выбору Восточного института в качестве органа цензуры: «В течение трёх лет сотрудники образовательного учреждения выполняли роль идеологического контролёра, что само по себе было не характерно для российского государства. Ведь на протяжении всего XIX в. именно в высших образовательных учреждениях училась и работала самая „вольнодумающая“ категория граждан» [1].

Вывод исследователя не совсем точен. При создании Конференции Восточного института Главное управление по делам печати приняло решение вернуться к одному из принципов цензурной деятельности, которым руководствовалось Главное управление цензуры до 1862 г.: на должность цензоров по иностранной цензуре назначать директоров училищ, профессоров и преподавателей — структура и штаты цензурного ведомства были тесно связаны с университетами.

С 1901 по 1904 г. сотрудники Восточного института во Владивостоке осуществляли цензуру иностранной печати. Цензоры по иностранной цензуре в провинции не имели права решающего голоса, они отправляли отчёты о своей деятельности в Петербург. Главное управление по делам печати, учитывая местные условия, наделило Конференцию Восточного института особыми полномочиями. Никто из назначавшихся в цензуру преподавателей не имел опыта работы в этой области, для них данные обязанности являлись дополнительной нагрузкой, не связанной с научной и преподавательской

деятельностью и оплачиваемой в зависимости от конкретного участия в общем деле. Профессора привлекались для просмотра рукописей и изданий на русском и иностранных языках, при этом они сами распределяли между собой печатную продукцию. Цензоры также занимались составлением обзоров иностранной и российской прессы, просмотром почтовой корреспонденции на иностранных языках для министра внутренних дел.

После Русско-японской войны опыт работы Конференции Восточного института был реализован при реорганизации института цензуры на Дальнем Востоке Главным управлением по делам печати. Владивостокская цензура осуществляла цензурирование иностранной печатной продукции, и в её работе традиционно принимали участие преподаватели, студенты и выпускники Восточного института, благодаря чему образовательный уровень учреждений, контролирующих печать, долгие годы оставался высоким.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бордаков М.А. Особенности организации контроля над периодической печатью на Дальнем Востоке России в начале XX в. URL: <http://pandia.ru/text/78/219/1163.php> (дата обращения: 20.07.2015).
2. Серов В.М. Становление Восточного института (1899—1909 гг.) // Известия Восточного института ДВГУ. 1994. № 1. С. 14—16.
3. Хроника // Владивосток. 1902. 3 мая. С. 3.
4. Хроника // Владивосток. 1902. 25 августа. С. 1—2.
5. Хроника // Восточный вестник. 1902. 24 марта. С. 1.
6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907. С. 133.
7. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Bordakov M.A. *Osobennosti organizatsii kontrolya nad periodicheskoy pechat'yu na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XX v.* [The features of organization of the control of periodicals in the Far East of Russia at the beginning of the XX century]. Available at: <http://pandia.ru/text/78/219/1163.php> (accessed 20.07.2015). (In Russ.)
2. Serov V.M. Stanovlenie Vostochnogo instituta (1899—1909 gg.) [The foundation of Institute of Oriental Studies (1899—1909 gg.)]. *News of the Oriental Institute of Far Eastern State University*, 1994, no. 1, pp. 14—16. (In Russ.)
3. Khronika [Chronicle]. *Vladivostok*, 1902, May, 3, p. 3. (In Russ.)
4. Khronika [Chronicle]. *Vladivostok*, 1902, August, 25, pp. 1—2. (In Russ.)
5. Khronika [Chronicle]. *Vostochnyy vestnik*, 1902, March, 24, p. 1. (In Russ.)
6. F.A. Brokgauz, I.A. Efron. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Collegiate Dictionary F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1890—1907, p. 133. (In Russ.)